

Проф. П. Н. Тарков

К ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АНТИЧНОМ МИРЕ

Вопросы истории международных отношений в древнем мире не нашли еще должного отражения в нашей общей и монографической литературе. На очереди стоят вопросы разоблачения тех неправильных положений, которые характерны для буржуазной историографии.

Вопросы исследования истории международных отношений древности, очевидно, будут являться той темой, разработка которой позволит по-новому поставить и разрешить ряд до сих пор еще темных вопросов древней истории.

Это касается прежде всего вопроса истории международных отношений в странах древнего Востока. Невыясненными остаются такие вопросы, как характер связей древневосточных деспотий в Передней Азии в их борьбе за сферы влияния, в частности роль Ассирии в этих связях уже во II тысячелетии до н. э. как участника борьбы между Египетской и Хеттской державами, рост ее независимости по отношению к Вавилону в это время.

Особенно досадным является отсутствие исследований о роли в этих связях народов нашей страны. Ведь не случайным же было то обстоятельство, что Ассирии пришлось выдержать вековую борьбу с Урарту еще на рубеже II и I тысячелетий до н. э. Только обеспечив свои границы на севере, Ассирия смогла в VIII—VII вв. стать мировой державой древности, хотя и в это время Урарту не было окончательно покорено. Но почему Ассирия так и не могла поработить Урарту, несмотря на то, что подчинила другие древние рабовладельческие страны? В нашей востоковедческой литературе ответа на этот вопрос, указаний на социальные предпосылки успехов урартийцев, мы не найдем.

Не найдем мы в нашей исторической литературе и объяснения очень своеобразного размежевания интересов у победителей Ассирии — мидоперсов, ново-халдейского Вавилона и саисского Египта. Не исследованы должным образом и связи Египта с Эгейским миром.

Несмотря на успехи советской историографии в области исследования истории народов Северного Причерноморья, нет еще конкретных исследований и о том, какую роль в международной ситуации сыграли, например, киммерийцы и скифы.

Древнейшие страницы всемирной истории исследуются изолированно, вне всеобщих связей одних народов с другими, при изучении их истории упускается из виду вопрос об их месте во всемирно-историческом процессе. Этот недостаток нашей историографии, в частности, весьма отрицательно отражается на исследованиях по истории племен и народов, населявших нашу страну.

Историки античности не дали всестороннего исследования исторического развития, как требовали от нас И. В. Сталин, А. А. Жданов и С. М. Киров в своих замечаниях к проспекту учебника по истории СССР: «Нам нужен такой учебник истории СССР..., где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории...»

Выше уже было отмечено, что наши историки древнего Востока не дали еще исчерпывающего исследования вопроса о роли народов нашей страны в мировом историческом процессе. Немного лучше, но также неудовлетворительно обстоит дело с этим вопросом и в хронологических рамках истории античности: вопрос об участии народов и племен, заселявших в древности нашу страну, во всемирно-историческом процессе должен стать одной из центральных проблем истории античности.

И крито-микенский и гомеровский периоды получают совершенно новое освещение, если будет решен вопрос о роли международных отношений того времени и учтен характер весьма активных двусторонних связей греческого мира с окружавшими народами и странами в период Троянской войны и позже.

Особенно плодотворным будет всестороннее изучение всемирно-исторических связей классической античности с народами нашей страны. Исследовать вопрос о роли скифов во всемирной истории — это значит совершенно по-новому перечитать одну из ярких и славных страниц прошлого нашей страны. Между тем, правильному пониманию этих вопросов мешали и до сих пор мешают предвзятые установки в историографии вопроса. Историки античности до сих пор группируют материал вокруг Греции и Рима, уделяя другим странам античного мира совершенно недостаточное внимание. Этот «эллиноцентризм» и «романоцентризм» приводит к тому, что, вольно или невольно отказавшись от общеприимчивой точки зрения на развитие событий в древности, историки оставляют в тени часто весьма существенные явления, оказавшие громадное воздействие на ход исторического процесса, а это, в свою очередь, ведет к искажению и неправильному пониманию прошлого. До сих пор вся сложность отношений между греческим миром и скифами причерноморской периферии определялась обычно с точки зрения Цицерона, говорившего о греческих колониях как о кайме, пристроенной к варварскому миру. Это стало трюизмом в трудах западноевропейских буржуазных историков, которые стали изображать историю античности с позиций «ведущих» исторических народов, греков и римлян, которые будто бы воздействовали на варварскую периферию, вносили в эту среду начала государственности и культуры, а сами якобы не подвергались никакому влиянию со стороны «варваров». Историки эпохи империализма объявили «счастьем» и «благом» для варваров иметь связи с «облагодетельствовавшими» их цивилизованными народами Средиземноморья. Все, что шло из пределов нашей страны, стало объявляться варварским, «скифским», неполноценным, мешающим поступательному развитию цивилизации.

Мы еще до сих пор не выполнили завета Ломоносова: «Всяк, кто увидит в российских преданиях равные дела и героев греческим и римским подобных, унижать нас перед оными причины иметь не будет, но только вину полагать должно на бывший нам недостаток в искусстве, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности»¹.

История Скифии в различные периоды всемирной истории служит, в частности, ярким опровержением предвзятой схемы, изложенной выше.

¹ М. В. Ломоносов, Древняя российская история, М., 1766, стр. 3.

В странах «гостеприимного» для друзей Понта находилось то «золотое руно», которого так нехватало жителям Средиземноморья. Золотая пшеница, рыба и шерсть — все это привлекало колонистов из Греции еще в мифологические времена. Черноморье стало золотым дном для греков уже к VI в. до н. э.

Уровень общественно-политического строя скифов в начале их истории не был иным, чем у греков и персов. Он не был первоначально столь отличным от греческого, как это казалось впоследствии. Между прочим, «варварами», в первоначальном смысле этого слова — «чужеземцами», наравне со скифами афиняне считали и персов. Скифы в то время стояли на стадии разложения родового строя и развития военной демократии, стадии, сходной с гомеровским периодом истории самих греков¹.

Словом, в начальный период колонизации между греками и туземным населением Причерноморья не было полной противоположности в отношении их социального развития².

На основании данных наших источников мы можем утверждать, что скифы проводили вполне самостоятельную внешнюю политику, оказавшую громадное влияние на весь ход исторического процесса.

Нет сомнений, что неудачный поход Дария в Скифию был задуман как одно из важных мероприятий в общем стратегическом плане персидского царя, стремившегося перерезать коммуникации греко-скифского мира; этот поход был предпосылкой для дальнейших завоеваний в Европе.

По-новому должен встать перед историками и вопрос о проливах в древности; морская политика Афин в ходе греко-персидских войн, подготовившая в известной мере Пелопоннесскую войну, получит тогда более глубокое объяснение. По-другому должна трактоваться и последующая борьба между Македонией и греческими полисами, а в III в. между эллинистическими монархиями за проливы и коммуникации с Черноморьем.

Это направление международной политики наметилось еще перед греко-персидскими войнами в результате весьма активной военной и дипломатической деятельности самих скифов. Это они первые разгромили в своих степях Дария персидского в 513 г. и предлагали греческим тиранам, ожидавшим Дария на Истре, не чинить им препятствий к окончательной ликвидации персидской армии, а позже они же предложили в 491 г. грекам союз, предусматривающий совместные военные действия. Но греческие тираны, опиравшиеся, как они сами говорили, на силу персидского царя, обманули скифов, не желая потерять Дария как союзника. И вторично, в 491 г., план скифов, направленный против персов, не был осуществлен не по их вине, а по вине греков метрополии.

Победа скифов над Дарием послужила сигналом для народных масс малоазиатских городов начать сначала восстание, а потом и регулярную войну с персами. Восстание милетских греков поэтому следует считать

¹ Недаром Геродот (I, 143 и сл.) писал, что самые знатные из греческих колонистов производили себя от варварских женщин, стыдясь своего ионийского происхождения.

² Пусть скиф Анахарсис, один из семи древних мудрецов, был созданием последующих, скептически настроенных к рабовладельческой демократии умов, влагавших в уста Анахарсиса свои филиппики, все же они его сделали скифом, и это не звучало для современников необычно. Достаточно сослаться на материалы раскопок, свидетельствующие о большой самобытности скифов, например, о высокой технике ювелирного дела. Климент Александрийский сообщает, что, «по словам Гесисда, сплав меди изобрел скиф». П а в с а н и й (I, 25,5), описывая предметы в святилище Асклепия в Афинах, о сарматском панцире говорит: «Взглянув на него, можно сказать, что варвары способны к искусству ничуть не менее нас». П о л и д е в к (26) сообщает о скифских секирах и об изобретении ими пятиструнного музыкального инструмента.

не завязкой греко-персидских войн, а следствием победы скифов над «великим царем». Скифы выступили перед поработленным греческим миром как борцы за свободу и независимость своей родины. Персы на Истре были спасены греческими олигархами, отклонившими предложение скифов¹.

Во всяком случае, победа скифов над персами в 513 г. была начальной датой падения могущества крупнейшей деспотии древности. Именно поэтому заслуживает специального исследования с точки зрения всемирно-исторического процесса дальнейшая история скифов и их роль в международных отношениях².

Чрезвычайно важно исследовать вопрос о роли скифов в истории V—IV вв., когда в Причерноморье сложились государства, независимые от метрополии и оказывавшие на нее свое влияние.

О крупной международной роли скифов свидетельствует, например, фраза их царя Атия (IV в.), обращенная к византийцам: «Не вредите моим доходам, чтобы мои кобылицы не пили вашей воды». А в 342 г. Одесс устоял против Филиппа II тоже только с помощью того же Атия³. Позже, в 313 г., греческие города просили помощи скифов против Лисимаха.

Все эти факты противоречат надуманной позже схеме, по которой скифы не играли никакой роли в международных отношениях.

Не менее важно изучение международных отношений эпохи эллинизма. Буржуазные историки античности не желали видеть ничего положительного в той ожесточенной классовой борьбе, которая развертывалась в Средиземноморье в эллинистическую эпоху. Принято было трактовать эту борьбу как анархию, как показатель того, что греко-эллинистический мир изжил самого себя и нуждался в такой силе извне, которая могла бы его спасти. Отныне, по их мнению, столбовая дорога истории стала пролегать через Рим, и вплоть до появления германцев только там творилась «истинная история». История Средиземноморья начиная с IV в. укладывается в прокрустово ложе сначала «самнитских», затем «пунических» и «македонских» войн, которые ведет «державный» Рим, выполняя «предназначенную» ему судьбой задачу стать повелителем вселенной.

В буржуазной исторической науке поэтому преувеличиваются лезть и угодность победленных, их паразитизм, преуменьшается значение их государственных объединений и образований, особенно тех, где большую силу имели массы населения. Объявляется, например, что история Греции этого периода в лучшем случае носила «провинциальный характер» и известный интерес представляет только в области духовной культуры. «Сражаться за греков — значит сражаться с ними»⁴ — эта фраза стала афоризмом в современной историографии при оценке исторических судеб Греции эллинистического периода. Греко-эллинистический мир рассматривается как объект завоеваний, а история его отдельных государств излагается как совокупность событий и действий, в той или иной степени способствовавших или противодействовавших основной исторической судьбе этих греко-эллинистических государств быть покоренными, быть в той или иной степени подданства у Рима.

¹ «Ионийцы, мы принесли вам свободу, если только вы захотите нас послушать», такие слова вкладывает Геродот в уста скифских послов на Истринской переправе (IV, 33; ср. VII, 10).

² Поход скифов против персов в 496/5 гг. (Нег., VI, 40), когда они, пройдя через Фракию, достигли Херсонеса Фракийского, был, конечно, далеко не случайным.

³ Jordan, *Getica*, X.

⁴ Petit de Joulleville, *Histoire de la Grèce sous la domination romaine*, P., 1875, стр. 29.

Упуская из виду, что международная политика была теснейшим образом связана с внутренними социальными движениями, которые потрясли рабовладельческую систему на рубеже III и II вв. до н. э., Рим объявили спасителем античного мира.

Одним из родоначальников такой «проримской» точки зрения на исторические судьбы античного Средиземноморья был Моммзен. Соответствующие страницы его капитального труда о взаимоотношениях Рима и Греции заполнены апологетическими заключениями по адресу Рима и обвинениями по адресу Греции. «Уже до тошноты приелся упрек, который повторялся ученой чернью эллинских и постэллинских времен — будто римляне старались сеять внутренние раздоры в Греции — одна из самых нелепых пошлостей, какие когда-либо были придуманы филологами, вдавшимися в политику». И дальше: «Римляне вполне серьезно желали освобождения Греции... грандиозно задуманный план привел к сооружению столь жалкого здания только потому, что эллинская нация дошла до полного и нравственного и политического разложения»¹.

Пристрастные положения Моммзена явились наиболее распространенными в буржуазной историографии установками по основным разделам истории античности конца III и начала II в. до н. э. Именно отсюда идет представление о Риме, который был будто бы охвачен энтузиазмом к эллинизму, стремясь претворить свое уважение к Греции, свое преклонение перед ее литературой и искусством в акты политического освобождения греков от ига, например, Македонии.

Взаимоотношения римского и греко-эллинского миров рисовались буржуазным историкам по образу и подобию тех связей, какие сложились в эпоху империализма между капиталистическими странами и колониями. Еще Финлей под влиянием колониальных успехов Великобритании в XIX в. строил историю взаимоотношений в Средиземноморье на превосходстве и честолюбии «воинственных сынов Марса». Для него взаимоотношения Греции и Рима казались построенными по одному из многочисленных вариантов «счастья» и «блага» для первой быть покоренной Римом, что «приходилось по сердцу большинству греческого населения», которое смотрело на уничтожение мелких независимых правительств в стране как на необходимый шаг к улучшению собственного быта². В этом отношении у Финлея было много общего с Дройзеном³.

Культ силы, преклонение перед удачей, резко отрицательное отношение к социальным движениям широких народных масс — таковы общие исходные позиции и у ряда представителей современной буржуазной историографии. Для Т. Франка, например, история международных отношений на рубеже III и II вв. — это история все возрастающего влияния Рима, который как бы помимо своей воли вел захватническую политику. В лирических тонах говорит Франк о римских «филэллинистических настроениях» как об «ответных струнах», по которым ударили призывы греков⁴, и утверждает, что Рим первоначально не имел никакой заинтересованности в территориальных захватах и что «величайшей ошибкой является определение скипионовской политики как империалистической»⁵.

¹ Т. Моммзен, Римская история, русск. пер., М., 1936, стр. 680.

² Финлей, Греция под римским владычеством, русск. пер., М., 1877, стр. 19.

³ «Антигон (Гонат) чувствовал, что Греции грозит та же опасность, от которой отчизна немцев не избавится до тех пор, пока не перейдет от «интернационального» лишь единства к действительно национальному». Эти строки, написанные Дройзеном в 1843 г., были оставлены им, по его собственному признанию, при позднейшем переиздании на память и в назидание потомству и в 80-х гг. («История эллинизма», том III, стр. 310, прим. 131).

⁴ Т. Франк, Roman imperialism, NY, 1921, стр. 148.

⁵ Оппенгейм, ук. соч., стр. 149 и 185—186.

Таким образом, Франк считает римлян прирожденными арбитрами в делах Востока, а такие факты, как, например, экспедиция Манлия в помощь Пергаму, были, по его мнению, бескорыстным (!) актом Рима, борьбой за престиж, борьбой за установление «нового порядка» на Востоке, страховкой на будущее время от всяких неожиданностей со стороны «дерзких» и «беззаконных» варваров. Франк называет при этом и грабительскую политику Манлия лишь «случайными» эксцессами, оправдывая их тем, что «для подобных противников» римляне «не чувствовали нужды изменять старые нормы, предписанные фециальными законами». И только лишь «лакейский дух» людей Востока, их рабская угодливость, их неспособность соблюдать правила, приемлемые для римлян, заставили Рим, по мнению Франка, отказаться от деликатного сципионовского курса, заменив его грубым катоновским. Римлянам стало мало аплодисментов греков, и они вспомнили, что «их великие предки обычно получали реальную плату деньгами и территорией в обмен на кровь граждан» (ук. соч., стр. 191).

Не представляя в этом отношении исключения и работы английского историка Уолбенка¹. Риму отводится решающая роль в вопросах восточной политики уже с первых шагов проникновения его на Балканский полуостров. Договоры Рима с Филиппом V, по мнению Уолбенка, были выражением римской претензии «организовать дела в Греции и обеспечить греческую свободу»².

Социальную борьбу в Греции он считает отнюдь не основной причиной ее политического упадка: он не останавливается на измене ее правящих классов, напуганных социальными движениями и поддерживавших вторжение чужеземцев, т. е. на связи между внешней политикой и внутренней борьбой.

Только романоцентрическая точка зрения и могла привести Уолбенка к его заключительному положению в работе по истории Филиппа V, которое формулируется как альтернатива, возникшая будто бы перед греческим миром: либо примириться с полным уничтожением эллинистической культуры, либо примириться с возвышением государства, «способного навести порядок» (стр. 274). Надо ли говорить, что такой силой порядка (*imposing order*) Уолбенком рисуется именно Рим³.

Стремление все свести к фатальному и неотвратимому завоеванию одних другими, без учета внутренней социальной истории борющихся государств и народов, в свою очередь может привести и приводит только к расистским «теориям», так как в этом случае вся «философия истории» ограничивается лишь представлением о том, что на мировой арене будто бы неизбежно одни более удачливые, а поэтому и более одаренные и передовые народы и государства вытесняют одряхлевшую, а следовательно, и отсталую народность или государство⁴.

Поэтому-то так важна борьба советских историков против современных попыток зарубежных, особенно англо-американских, историков политизировать историю древности таким образом, чтобы вывести отсюда весьма нужные им положения о необходимости победы «сил порядка», носителем которых рисуется, например, древний Рим в его взаимоотношениях с другими государствами, среди «анархических», «изживших себя» народов и государств, какими изображаются страны, охваченные де-

¹ W a l b a n k, Philip of Macedon, Cambridge, 1940, стр. 179.

² О п ж е, The causes of Greek decline, JHS, 1944.

³ Подробный разбор работы Уолбенка дан в моей рецензии на эту книгу, см. ВДИ, 1947, № 3.

⁴ Ср. например, G u m p l o w i t z, La lutte de races, где утверждается, что «быть побежденным или победить — такова неизбежная альтернатива, поставленная каждому государству» (стр. 272).

мократическими движениями и революцией рабов (Греция, восточное Средиземноморье).

Советская историческая наука должна опровергнуть традиционные представления, касающиеся падения политической самостоятельности Греции, а также положения несоизмеримости сил Рима и его конкурентов. Надо развенчать легенду об «извечно великом Риме», о целесообразности и полезности его завоевательной деятельности. Тогда окажется, что успехи Рима сначала по объединению вокруг него Италии, а затем и всего Средиземноморья определялись не особой природой носителей римской государственности, не мудростью его сенаторов, не воинственностью «сынов Марса», а гораздо более существенными обстоятельствами, в том числе международной ситуацией, тесно связанной с внутренней социальной обстановкой. Соседи Рима, каждый в отдельности, были первоначально сильнее его, но борьба их друг с другом оказалась весьма выгодной для маленькой общины на Тибре. Рим должен был первоначально покорно выслушивать то, что ему предлагал, например, Карфаген. В то же время успехи плебса во внутренней борьбе способствовали закреплению первых скромных внешних успехов.

Эта связь и взаимозависимость между внутренней социально-политической жизнью отдельных государств античности и международной обстановкой приобретает решающее значение особенно для истории античного Средиземноморья III—II вв. до н. э.

Все сказанное заставляет совершенно иначе поставить вопрос об очередных, неотложных задачах в области научно-исследовательской работы, а следовательно, и преподавания истории античности. Прежде всего, очевидно, надо признать совершенно исключенной возможность дать правильное освещение хода исторического процесса, если строить его только по материалам каждой отдельно взятой страны без учета международной обстановки.

Действительно, трудно понять события от первой Пунической войны (середина III в. до н. э.) до разрушения Римом Коринфа и Карфагена (середина II в. до н. э.), т. е. до установления римского господства, если следовать общепринятым схемам, не считаясь с данными источников. Источники (Полибий, в первую очередь) сообщают нам о той существенной роли, которую играли, например, греки Сиракуз в установлении политического равновесия в западном Средиземноморье после первой Пунической войны с тем, чтобы не дать чрезмерно ослабеть Карфагену и усилиться Риму. Тот же источник одновременно сообщает, что события трех лет ливийско-наемнического восстания 241—238 гг. потрясли Карфагенскую державу больше, чем двадцать с лишним лет длившаяся перед этим война ее с Римом.

Особенную сложность представляет объяснение успехов Рима с конца Ганнибаловой войны, т. е. в период первого пятидесятилетия II в. до н. э. Ведь Рим, будучи слабее своих противников, ни разу не разбив Ганнибала, а, наоборот, будучи им неоднократно разбит, стал хозяином сначала западной половины Средиземноморья, а затем, являясь, конечно, более слабым по сравнению с восточными эллинистическими монархиями, — тем не менее через пятьдесят лет стал господином положения и в восточном Средиземноморье.

Мы не можем признать правильной ту картину, которая до сих пор рисуется антидемократически настроенными историками по вопросам о причинах падения политической самостоятельности противников Рима, как стран и государств «изживших себя», «косневших в анархии», для которых якобы было спасением покорение их Римом.

Греко-эллинистический мир и Рим на рубеже III и II вв. до н. э. — это огромная тема, от правильного разрешения которой зависит ответ и на

последующие вопросы истории античности вплоть до установления причин гибели рабовладения и смены его более прогрессивной формацией.

Именно в этот период и именно на международной арене пытались найти поддержку и защиту своих привилегий правящие классы рабовладельческого общества, опираясь на «своих» в чужом полисе, в другом государстве, в интересах борьбы с «чужими», т. е. своими классовыми врагами, в своем полисе.

Отношения эллинистического мира с Римом на рубеже III и II вв. до н. э. определялись совокупностью этих социальных и политических условий.

В связи с этим надо признать, что столбовая дорога мировой истории в этот период пролегла еще в греко-эллинистическом мире, в то время как, образно выражаясь, история Рима этих лет была еще проселком. Греция и даже такие периферийные государства, как, например, городские республики Крита или иллирийские области, совсем не были только «географическим пространством» для проявления державной воли Рима.

На западе Средиземноморья и на востоке питательной средой внешних политических связей была внутренняя ожесточенная борьба, только учитывая которую и можно объяснить организацию всякого рода союзов, возникновение войн и т. п. Так было в Риме (примеры отпадения союзников, италиков и греков во время Ганнибаловой войны), так было в Карфагене (восстание нумидийцев и переход испанских племен на сторону Рима), так было и на Черноморье. В Греции рабовладельцы пытались найти поддержку в войне для подавления революции. Это было время войн, причем именно в войнах находила свое выражение всемирно-историческая связь событий. Полибий писал: «Антиохова война зародилась из Филипповой, Филиппова из Ганнибаловой, Ганнибалова — из Сицилийской, и все они в совокупности вели к одной цели» (III, 32).

Именно об этом свидетельствуют фактические данные источников вне зависимости от суждений того или иного автора, суждений, на которые оказывало громадное влияние классовое умонастроение античных писателей с их предпочтением чужого порядка собственным революционным «неурядицам». И об этом должны говорить наши работы.

Совершенно бесспорно, что наша советская историческая наука найдет правильное объяснение таким до сих пор необъясненным феноменам, как победа Рима над Карфагеном Ганнибала, если она будет искать это объяснение не в пресловутой доблести римлян, а в большей социальной слабости Карфагена.

Можно не сомневаться, что при этих единственно правильных предположениях центральное место при изложении конкретно-исторических материалов займет история борьбы самих масс, истинных творцов истории, восстаний рабов и обездоленных масс свободного населения, классическим примером которой было, в частности, революционное государство Набиса Спартанского на рубеже III и II вв. до н. э., один факт существования которого угрожал безопасности многих аристократических государств и определял внутреннюю и внешнюю политику периода, кульминационной точкой которой было вторжение войск ряда рабовладельческих государств в Спарту.

Советская историческая наука должна суметь обосновать и конкретизировать тезис о том, что победа Рима в Средиземноморье, сопровождавшаяся разгромом революционно-демократического движения там, была лишь временным выходом из кризиса рабовладения, что это был выход в виде втягивания в орбиту рабовладельческого хозяйства новых масс прежде свободного населения самой Греции, классического Востока и

варварской периферии. Иными словами, надо доказать, что Рим, громя в Греции Набиса Спартанского, подготовил для себя восстание рабов в Сицилии и гражданские войны конца республики.

Наше время, время строительства коммунистического общества, требует перевооружения во всех областях науки и техники. Свою скромную, но существенно важную роль в этой борьбе должны сыграть и исследователи в области древней истории. Их задача показать в своих работах, что передовое всегда побеждает силы вчерашнего дня и что это передовое обеспечивается борьбой истинных творцов истории — широких народных масс.

